

Мария РАЙНЕР (Maria Rainer)

Родилась в 1975 году, в городе Рубцовске Алтайского края. Закончила Барнаульский государственный педагогический университет, факультет иностранных языков. Печаталась в журналах «Алтай», «Барнаул», «Бийский вестник». Мечтает жить в Сиэтле (городе кофе и дождей). Живёт в Барнауле.

КОТЁНОК

Каждый год, перед днём рождения, папа сажал Сашу на колени, гладил по голове и спрашивал:

– Ну, доча, говори, какой ты хочешь подарок?

В этом году, когда Александре должно было вот-вот исполниться десять, сцена с подарком была такой же, как и два, и три года назад.

– Ну, дочурка, какой ты хочешь подарок?

– Котёнка, – отвечала Саша.

Папа почесал голову, смешно сморщил губы и заговорил так, будто оправдывался:

– Санёк, ну ты же понимаешь, что котёнок писает и какает, его надо приучать ходить в туалет, а нас целый день нет дома. Котёнок начнёт точить когти о мебель, будет лазать по коврам, шторам, мама будет злиться... Вот когда ты подрастёшь, тогда, может быть, и будет у тебя котёнок.

Саша слушала папино оправдание, насупившись, как маленький совёнок.

– Какой подарок тебе подарить?

– Коньки.

– Санёк, ну ведь сейчас лето, а к зиме ножка у тебя вырастет, и коньки придётся продавать. К тому же, площадка для фигурного катания находится далеко от дома, тебя одну никто не отпустит, а нам с мамой некогда тебя водить. Вот подрастёшь...

– Куклу. С рожками.

Прервала Саша папу, слезла с колен и ушла в свою комнату.

– Сашуля, вот когда тебе исполнится двенадцать!.. – закричал вслед папа, но слушала его только наглухо закрытая дверь.

– Что ты морочишь ей голову? – раздражалась Алиса Витальевна, предпринимательница, владелица сети магазинов детской одежды и по совместительству родительница Саши. – Подарок ей давно уже куплен. Зачем ей ещё одна кукла, да ещё эта страшная Monster High, их уже ставить некуда!

– Ну, ребёнок ведь должен что-то хотеть? – робко возражал Арсений, папа. – Почему мы всегда навязываем ей наше мнение? Наши взгляды на мир? У этих барби такое восторженно-глупое выражение лиц, монстры и то симпатичнее, они даже живыми кажутся.

– Сеня, только без философии. Саша должна вырасти успешной современной женщиной. Чтобы она вписалась в общество, чтобы она вертела обществом, а не наоборот. Я за свои сорок насмотрелась на оригинальностей, знаешь, картина неприглядная. Все мои бывшие подружки – все как одна неудачницы. Одна спилась, другая третьего неизвестно от кого родила, музучилище бросила, теперь в продавщицы ко мне просится! Представляешь? У меня такие девочки вышколенные, с высшими образованиями, одна даже кандидатскую защитила, и вдруг эта деревенщина!

– А Катя? Художница? – возражал муж. – У неё выставка недавно в столице была!

– Хватит эту Катю вспоминать!

Алиса нервно схватила с прикроватной тумбочки пачку сигарет, вытащила одну, также нервно щёлкнула зажигалкой.

При этом кружевная бретелька кокетливо сползла вниз, полуобнажив круглую, как яблочко, грудь, но Арсений даже не взглянул на неё. Он лежал на спине и изучал лепнину на потолке. Катя ему нравилась, она дышала свободой, у неё были длинные чёрные волосы, которые она заплетала в две толстые косы...

– Уверена, ты сейчас про Катю думаешь!

Алиса поправила бретельку и выдохнула дым.

– Да можешь хоть сейчас к ней валить!

Арсений повернулся к жене и поцеловал её в плечо.

– Мне нужна только ты... – нежно прошептал он с закрытыми глазами.

Алиса затушила сигарету и крепко прижалась к мужу.

На свой десятый год рождения Саша получила в подарок

от бабушки лисью шубу, от мамы новый ранец со школьными принадлежностями и новую одежду для школы, от папы куклу барби в серебристо-жемчужном платье, с короной в пышных льняных волосах. А от «зайчика» пришла посылка, в которой был упакован большой пластмассовый самосвал со сломанным колесом. Были ещё лошадка, розовая пони «Пинки Пай», гном-светильник, и ещё одна кукла барби в розовом платье.

Лёжа в постели, Саша вспоминала свой день рождения.

Взрослые накрыли детям стол отдельно, в гостевой. А гостей-то было... Совсем уже взрослая девочка Полина, которая торчала в интернете, и её младший брат Петя, семилетний невоспитанный мальчик. Он пролил лимонад на Сашино платье и долго-долго смеялся. Это были дети маминой коллеги.

Заранее Саша разучила с мамой диалог, как нужно вести себя с гостями, как предлагать им еду и напитки, следить, чтобы они ни в чём не нуждались.

Но едва нарядная Саша открыла рот и произнесла:

– Дорогие гости, позвольте предложить вам... – как Полина захихикала, а её брат растянул пальцами уголки рта и запрыгал по комнате так, что задрожала люстра.

Больше Саша ничего не говорила. Сдерживая досаду, она старательно улыбалась.

К счастью, пытка длилась недолго. Коллега повезла дочь в модельную школу.

Саша, пользуясь тем, что взрослые пили и не обращали на неё никакого внимания, улизнула во двор. Друзей у неё не было. Мама запрещала ей уходить со двора одной, и Саша села на качели, хотя качаться ей не хотелось.

– Мажорка!

Кто-то грубо толкнул её с сидения.

Саша шлёпнулась в пыль, но быстро вскочила, гибко изогнувшись, как котёнок, и не раздумывая, вмазала обидчику в глаз – соседскому мальчику Некрасову Андрюше, который рос в социально неблагополучной семье. Папа его сидел в тюрьме, а мама водила домой «марьяжников», как выражалась Алиса Витальевна, и сыном интересовалась мало.

– Стерва! – размазывая кровавые сопли, прошипел пацанёнок.

Сегодня он гулял один, и без поддержки таких же неприкаянных, как он, детей, не решился кинуться в драку. Хотя и оценил жест «мажорки». И глаза у неё были как крыжовник, с крапинками,

золотисто-зелёные, а на голове огромный бант.

Саша ничего не ответила, потому что мама запрещала ей разговаривать с этими «ублюдками». Андрюша ушёл, и ей тоже захотелось уйти куда-нибудь. Но мама запрещала...

Саша вернулась к подъезду, плюхнулась на лавочку, болтая ногами.

Домой идти не хотелось.

И вдруг в кустах послышался слабый писк.

Девочка подскочила, перемахнула через скамейку и нырнула в куст сирени. Там, среди толстых ветвей прятался маленький беззащитный... котёнок!

У него были голубые глаза, чёрная пушистая шёрстка и маленький розовый носик.

– Иди сюда, иди ко мне, маленький!

Саша протиснулась к котёнку, осторожно обхватила его тощее тельце и аккуратно вытащила из куста. Она не заметила, что ветка сирени больно царапнула ей щёку, и, кажется, бант отлепился.

Чтобы котёнка не отобрали, спасительница уселась с ним в траву, спрятавшись под раскидистым душистым растением.

Котёнку Саша понравилась тотчас же. Он вцепился коготками в её атласное платьице и не хотел отпускать. А счастливая Саша лопотала ему в ухо:

– Я тебя никому не отдам! Ты будешь мой, только мой... Я буду за тобой ухаживать, буду тебя кормить, расчёсывать твою шёрстку, я буду тебя любить... любить... всегда...

Поглощённая счастьем, Саша много чего пропустила.

Во-первых, с небес спустился вечер.

Во-вторых, в её подъезд вошла изрядно подпившая мама Андрюши, волоча за собой упирающегося отпрыска с расквашенным носом.

В-третьих, через небольшое время эта же самая мама вылетела из подъезда, крича на весь двор:

– Суки! Сволочи поганые! Капиталисты сраные! Мало вы с нас дерёте, так ещё и паскуд своих натравливаете на невинное дитё...

– Мама, пожалуйста, не кричи, пойдём домой, пожалуйста! –

Тянул Андрюша мать за рукав выцветшего халата.

А радостная Саша в это время гладила одним пальчиком спящего котёнка, целовала его в сопящий носик и упивалась мгновением, как голодный волк, заваливший телёнка и с наслаждением грызущий его плоть.

Вот оно какое, счастье!

Звуки вернулись к Саше так внезапно, что ей стало страшно и очень-очень одиноко.

– Саша! САША!!!

У подъезда стояла мать и громко звала её, и в голосе её явно угадывалось желчное настроение.

Не выпуская котёнка, девочка вылезла из палисадника.

– Мапочка, – кинулась она к подвыпившей женщине в ярко-малиновом платье с обнажённой спиной. – Давай возьмём котёночка!

Алиса Витальевна побелела от гнева.

Мало того, что какая-то алкашка обозвала её (ЕЁ!) «проституткой», а тут это явление: без банта, платье грязное, чем-то залитое, на колене ссадина вперемежку с землёй, босоножки как будто изжёванные. Хороша же девочка из благополучной семьи!

– Давай возьмём котёнка, я очень-очень тебя прошу! Когда он будет писать и какать, я всё сама буду убирать. Честно-честно! Я даже на танцы буду ходить, и карате брошу, я буду делать всё-всё, как ты скажешь...

Но Алиса Витальевна, подперев голой спиной металлическую дверь, выкипала от злости.

«Яблоко от яблони...» – несло в её голове. – «Самосвал ты ей прислала, шалава, зэчка, шелупонь немытая. Я отродье твоё холю, лелею, пылинки сдуваю. Я человека из неё делаю, а она кулаки в ход пускает, но я тебе её никогда не отдам. Она даже не узнает, что ты есть на этом свете!»

– Мама...

Голос Саши гаснул и догорал в горячем асфальтовом воздухе.

К подъезду подбежал запыхавшийся Арсений. Увидев дочь в целостности и сохранности, он опустился перед ней на колени.

– Сашка, как же ты нас напугала...

«Ну, меня-то точно не напугала...» – мысленно вторила Алиса Витальевна.

– Мы уж думали, тебя украли...

«Уж лучше бы украли...» – кралась злостные мысли.

Алиса Витальевна взяла себя в руки, отклеилась от стены и подошла к семье. Строгим голосом она произнесла:

– Саша, котёнка мы взять сейчас не можем. Тебе папа ясно сказал, что он у тебя появится, когда тебе исполнится двенадцать

(а там видно будет!). Оставь его там, где взяла, и пойдёте, наконец, домой!

– Я не могу его туда вернуть!

Саша махнула рукой на куст сирени.

– Он не сможет выбраться. Он там умрёт!

– Так, посади его в траву, и марш домой! –

Очень тихо и очень властно и чётко отбарабанила Алиса Витальевна.

– Лисёнок... – пробубнил муж.

– Я всё сказала.

И так как Саша застыла, как каменная, она вырвала котёнка из рук дочери и швырнула его в палисадник.

– НЕТ!!!!!!

Казалось, крик девочки поднял на ноги весь квартал.

– Ты плохая, я тебя ненавижу! – орала Саша. – Я не буду ходить на Ваши дебильные танцы! Я за Некрасова замуж выйду, а Ваших мажоров пусть другие тёлки облизывают!

Последнее выражение она слышала от взрослых мальчиков, с которыми якшался Андрюша.

Алиса Витальевна, еле сдерживаясь от накатившей злобы, обняла её и закрыла рот рукой. И, хотя Саша впилась зубами в эту руку, которая желала ей только добра, это ничего не изменило.

Семейство скрылось в подъезде.

Папа пил виски в гостиной, мама в ярко-малиновом платье нервно курила, сидя на подоконнике в кухне, а Саша отмокала в ванной.

И каждый был по-своему несчастен.

«Господи», – думала красивая женщина-блондинка с сигаретой. – «Хотя, чего я к тебе обращаюсь, есть ли ты вообще, сомневаюсь иногда. Угораздило же меня с этой семейкой связаться! Пожалела, называется! Одинокий, на руках трёхлетняя дочь... Да нет же, не так всё было. Как увидела его, сразу сердце в пятки ухнуло. Высокий, стройный, кудри золотистые, глаза, как синь на рублёвских иконах, хотя, есть ли бог вообще? Или его для нас нет? Так что мне теперь, богатство по миру пустить, нищим раздать? Да я сама, своими руками всё это вытянула, бизнес этот, сколько сумок с тряпками на себе перекорячила! Завидуют они. А сколько раз под ментов и таможенников ложилась? А выкидыши? А аборт? И шесть лет лечения – ни к чёрту. Вот и верь после этого в бога. А ведь девчонку как родную полюбила, отмыла, отчистила, вшей

вывела, с четырёх лет бассейн, танцы, еда только натуральная, по утрам встаю, каши ей варю, а самой уже не двадцать... Ну, сказки не читаю, а когда мне? Завтра в четыре утра груз получать, а у меня не убрано, посуда в раковине так и лежит. Думала, помощницу рашу, замену. Правильно люди говорят, как волка ни корми, он в лес смотрит. Привязался ей этот котёнок! Мы зимой на Сейшелах отдыхали. Котёнок... Да ни за что! Ни за какие шиши! У меня диван кожаный, кресла кожаные, мебель вся итальянская, шторы из Франции на себе везла, сколько сил и денег я вложила в этот дом! А Арсений... Одно в нём и есть: красота неопишуемая, да страсть к детям. Пристал, давай Дашеньку удочерим, это ту, которую его бывшая в зоне неизвестно от кого принесла... Дома лежит, в потолок смотрит, цветочки на даче выращивает! Спина у него больная! Даже машину водить не выучился за столько-то лет. Смехота! При живом мужике шофёра держу... А, пропади оно всё пропадом! Порядок этот! Вызову завтра «жену на час» да и все дела...»

Алиса Витальевна вдруг обнаружила, что сигаретная пачка опустела. Она тенью проскользнула мимо пьющего мужа в спальню, и, не переодеваясь, упала на шикарную кровать с балдахинном.

«Сашку надо из ванной вытащить...» – понеслись привычные повседневные мысли, и вдруг в эту гонку вклинилось что-то чужое, гадкое, липкое, как эта чёртова кукла с рожками:

«Сама вылезет, не барыня»

Алиса Витальевна свернулась калачиком и попыталась выплакаться. Слёз не было. Глаза, смотрящие в небо, захваченное грозowymi тучами, были сухими и очень-очень злыми.

«Господи, если бы не Алиса, я бы пропал. Как вовремя она в нашей жизни появилась! Страшно вспомнить, как на вокзалах с Сашкой ночевали, побирались, как бомжи. А ведь даже забыл, как я её впервые встретил. Пьяный был... Не разглядел даже, глаза какие у неё. А, правда, какие? А, впрочем, неважно. Как она Сашеньку первый раз к себе прижала! Адвоката наняла, вместе из приюта забирали. Даже к Але разрешила съездить, и посылки для Саши передаёт. Господи, Альку «зайчиком» называют. Каково это вообще? Я бы не смог так... Что же у неё внутри? Будто из железа выкована, а Аля нежная была, мягкая, тонкая, как берёзка, волосы льняные, глаза, как крыжовник, кошачьи, с поволокой. Сашка вся в неё уродилась. И характер Алин. Аля, Аля... Котёнок

ты мой... Это я во всём виноват, в том, что ты восьмой год срок мотаешь. Окрутила стервоза, сам не заметил, как в койке очутился. Аля после больницы, вымотанная, а я кобель, с чужой бабой... Как они вообще это всё переживают? Алиса спокойно спит в спальне, ни слезинки не проронила, Аля на суде монотонно так рассказывала, как любовницу, Верку, кажется, убивала. Сколько ударов ей нанесла, куда. Говорила, что намеренно её порешила, что такие жить не должны. И самой Али не стало... В кого она превратилась, это же ужас господний! В конце концов, я не виноват, что она мне даже отсосать не хотела, ребёнком прикрывалась, а это пятиминутка, отдых, можно сказать. Дура».

Арсений вдруг подумал, что Саша всё ещё в ванной и оттуда не слышно ни звука. У него мелькнула мысль, что надо вытащить ребёнка, завернуть в махровую простынь, отнести в спальню, включить сказку на магнитофоне...

Когда мокрая и голая Саша, не дождавшись родителей, появилась из ванной, мама и папа крепко спали. Папа храпел на ковре. В руках он сжимал бутылку.

Саша долго не могла уснуть, она плакала и думала, как там котёнок. Он ведь голодный, никто его не покормил. А самое страшное, что набежали эти тучи, и гремит гром, и, кажется, вот-вот пойдёт дождь. Куда же он, бедненький, спрячется? Где будет спать? Наверное, на голой холодной земле. Он совсем один, ему страшно. У него нет мамы, а, может, и хорошо, что нет.

Ещё ни разу в жизни Саша не видела «маму», которая бы ей понравилась, которую ей хотелось бы называть «мамой», к которой можно было бы сесть на колени и прижаться, и долго-долго сидеть так прижатой. Алису Витальевну она побаивалась, а иногда думала, почему они с ней такие разные. И папа постепенно становился чужим. Иногда он неделю с ней не разговаривал, а потом вдруг прижимал к себе, целовал, говорил, что хочет, чтобы у Саши была сестричка.

Но Саша не хотела сестричку. Она хотела котёнка.

Согревшись, она забылась коротким, тревожным сном.

Проснувшись на рассвете, Саша встала, нашла в комодке джинсы, надела маечку и толстовку и тихонько выбралась из своей комнаты. Мама уже не было, папа валялся на полу в луже. В комнате царил ужасный беспорядок.

Саша раскрыла холодильник, взяла колбасы, положила в контейнер и бесшумно выскользнула из квартиры.

Возле куста сирени котёнка не было.

– Кис-кис-кис, – звала Саша шёпотом, но никто не отзывался.

Она излазила весь палисадник, мокрый от дождя, нашла свой бант, но даже не отцепила его от ветки. Выбравшись, она села на скамейку и стала мучительно думать.

«Если бы я была маленьким котёнком, куда я бы я спряталась?»

И вдруг увидела, что дверь, где стоит контейнер с мусором, приоткрыта. Саша вскочила и заглянула внутрь. Возле бака, в ящике, похожем на тот, в котором «зайчик» прислал ей сломанную машинку, спал ЕЁ котёнок.

Задохнувшись от радости, Саша села рядом на какую-то тряпку и осторожно вынула котёночка из ящика. Проснувшись, он громко замыкал, и Саша поставила перед ним контейнер с едой. Котёнок жадно стал есть. Саша с любовью смотрела как он кушает, и едва сдерживалась, чтобы не схватить его и не прижать к себе. Но еда – важнее всего, как говорила мама.

Саша огляделась. В закутке дурно пахло – запах гнили пропитал кирпичные стены, они были влажными и пахли каким-то неживым, неприятным запахом. В «зайчикином» ящике что-то белело. Любопытная девочка вынула оттуда конверт. Она уже была достаточно взрослая и знала, что это письмо. А на письме был указан адрес её дома и её квартиры, и адресовано письмо было ей!

Ура! «Зайчик» наконец-то прислал ей письмо. Значит, он действительно существует! Саша вытащила из конверта листок.

«Саша, доченька, здравствуй! Пишет тебе твоя родная мама. Скоро у тебя день рождения, и я посылаю тебе подарок. Ты прости, что самосвал посылаю, напутал тут один, думал, Саша – мальчик, а уже сроки вышли. Прости, что не кукла это, только ты не расстраивайся, ладно? В самосвале можно кукол катать. Сашенька, как же я по тебе скучаю, котёнок мой, зайчонок, барашек мой сладкий-пресладкий! Увижу ли я тебя когда-нибудь? Семь лет оттрубила, восемь осталось, а через восемь лет тебе будет восемнадцать, ты совсем будешь взрослая. Учёная, красивая, богатая... Хоть бы поглядеть на тебя разок, а ты не бойся, я в жизнь твою лезть не буду. Зачем тебе такая мать, на которой пятно несмываемое? А сердце болит, ох, как болит, Сашенька, доченька моя родненькая! Сколько я тебе писем написала, а ты ни на одно не ответила. Отец твой сказал, что ты обо мне совсем ничего не знаешь, и не узнаешь никогда, а я всё равно пишу. Как

же я по тебе скучаю, у меня даже фотографии твоей нет, как же мне плохо в этой клетке. Сижу я, Саша, в тюрьме, за убийство. Убила я тварь одну, которая отца твоего увести от меня хотела. Только теперь я, знаешь, как жалею? Они мне условие поставили: вырастешь ты человеком, если я тебя никогда не увижу. Сашка, Сашка... Ты где-то живёшь, ходишь в школу, наверное, как куколку тебя одевают, а я всего этого никогда не увижу. Ты прости меня, непутёвую. Я смогу, выдержу. Пусть сердце хоть на сто кусочков разорвётся, но писать больше тебе не буду. И посылки слать не буду. Умер «зайчик». А я девочку родила, Дашу. Сестрёнка у тебя теперь есть, да только скоро заберут её и отправят в детдом. Прощай, Саша. Расти умной, хорошей, здоровой девочкой. Слушайся родителей. Никого не обижай. Твоя мама Аля...»

Закончив читать, Саша выронила письмо из рук, а потом перечитала ещё раз. Она не всё поняла из написанного, но в её маленьком, ещё не оформившемся мирке всё в д р у г встало на свои места. Это были ответы на вопросы, которые она, возможно, никогда бы не задала ни родителям, ни себе самой.

Саша, прижав котёнка к груди, зарыдала. Плакала она долго, пока слёзы вдруг не закончились. Саша положила котёнка в ящик, пошлёпала себя по щекам и стала думать, как её учила Алиса:

«Пока пусть котёнок поживёт здесь. Дворник, дядя Вася, он хороший, я ему из папиного бара бутылку дам, чтобы он котёнка не выгонял. Я ему буду носить еду, и буду очень послушной. Сперва попрошу прощения у мамы Алисы, потом скажу, что буду ей в магазине помогать. Я уже могу вытирать пыль, выносить мусор, и отрезать ниточки от одежек...»

Сашин внутренний монолог был прерван грубым громовым голосом дворника дяди Васи:

– А ну пшла отседа, шваль, буржуйка! И выродка этого забирай, пока я его башкой об пол не ****л!

Саша вскочила и в страхе убежала прочь.

На углу дома она остановилась.

Что делать? Куда идти?

Котёнка ей не разрешат оставить. Ой, она оставила письмо от настоящей мамы Али возле мусорного бака!.. Теперь-то точно она его больше не прочитает...

Саша, не отрывая котёнка от груди, побрела вдоль улицы.

Дошла до супермаркета.

И вдруг она вспомнила, что котёнка хотя бы можно отдать в

«хорошие руки»! Пусть она его больше не увидит, но он будет жить где-то, кто-то будет его любить, кормить, она его не увидит, но, главное, что ему будет хорошо!

Саша натянула на лицо улыбку, как учила мама Алиса, встала на крыльце и стала вначале робко, потом бойчее предлагать котёнка входящим и выходящим в магазин людям.

Кто-то хмуро, не соизволив взглянуть, проходил мимо, кто-то участливо разговаривал с Сашей. Котёнка гладили, сюсюкали с ним, но потом виновато отводили глаза и сбегали, а девочка, едва сдерживая слёзы, ощущала в себе новое чувство. В ней просыпалась злость.

Злость на маму Алису, на папу, на всех маминых подруг, на всех этих равнодушных людей, на весь этот цветущий, пахнущий хлебом уголок света.

Саша поняла, что она никому не нужна. Нет, нужна. Маме Але, которую она никогда не видела. И котёнку, которого у неё никогда не будет.

Стянув улыбку с лица, Саша угрюмо поплелась прочь. Ещё дальше от дома. Она не знала, куда идёт и зачем. Котёнок вертел головой, а потом запищал. Наверное, проголодался. Саша проголодалась тоже.

Она свернула в какой-то двор, где мелькнула детская площадка, забралась в беседку. Начал крапывать дождик. Саша посадила котёнка на колени и гладила, гладила его, пока он не уснул и думала о маме Але. Пыталась представить, какая она: какие у неё глаза, волосы, лицо, улыбка... И вдруг в Сашиной голове мелькнуло видение: она лежит в воде, а вокруг плавают зелёные листья, а перед ней что-то золотистое, улыбающееся, солнечное, и оно очень любит Сашу. Явление было как молния.

Саша попыталась восстановить его в памяти, но видение распадалось, и она расплакалась. Навзрыд, всхлипывая, размазывая слёзы стиснутым кулачком.

– А что мы плачем? – послышался кокетливый голос.

Саша не ответила.

В беседку, нагнувшись, вошла красивая длинноволосая девушка и присела рядом с девочкой. От неё пахло спиртным, и глаза её будто не видели Сашу, а смотрели сквозь толстые брёвна беседки куда-то в одну ей ведомую даль.

– Не против, я пивка хлебну?

Саша помотала головой.

Девушка достала из сумочки баночку пива и с наслаждением свернула крышку. Выпив чуть ли не половину, она обняла Сашу и выдохнула ей в ухо:

– Всё будет хорошо! Тебя как зовут?

– Александра.

– О! прямо как моего жениха: Александр Сильвани. Он итальянец. Я выхожу замуж и уезжаю в Италию! Меня Ксения зовут.

Саша опять не ответила.

– Какой милый у тебя котёночек! А я своего кота на вокзале оставила, под лавками. Жалко, конечно, но его даже бесплатно никто не забрал.

Саша сжалась в комок, ей захотелось ударить собеседницу так же, как вчера она ударила хулигана, прямо в нос, чтобы жених увидел её и бросил на вокзальной скамеечке.

– А ты почему одна? Где твоя мама? – вдруг забеспокоилась новая знакомая.

– Моя мама в тюрьме. – Произнесла Саша твёрдо и отдельно.

– За что?

Ксения перестала её обнимать.

Она быстро допила пиво, поставила баночку на землю и собралась уходить.

– Странная ты какая-то. На тебе вещи недешёвые, а говоришь, что мама в тюрьме. Врёшь, наверное!

– Вы злая, – сказала Саша беспощадным голосом. – Вас жених тоже бросит.

– Соплячка неумытая, всё настроение испортила, – выругалась Ксения. – А я тебе желаю к маме попасть!

Будущая итальянка, пошатываясь, покинула площадку.

У Саши окаменело лицо. Котёнок проснулся и стал пищать.

Саша подняла его, держа за передние лапки и поцеловала в розовый носик.

– Прости.

Слёз больше не было.

«Зайчик» умер.

Саша нагнулась и подняла с земли кусок кирпича. Прижала котёнка к скамье, встала на колени и, собравшись, одним ударом обрушила кирпич на голову котёнка. У него вылетел глаз, и это испугало Сашу сильнее всего. Осознавая, что она сделала, Саша спрятала мёртвое тельце на груди и выбралась из беседки.

Она шла по городу, пока не заметила припаркованную патрульную машину.

Она подошла к полицейским.

Двери открылись, и молодой парень озабоченно спросил:

– Что случилось? Ты потерялась?

Саша расстегнула молнию толстовки и протянула полицейскому окровавленный трупик.

– Это я его убила, – произнесла она глухим безразличным голосом. – А теперь посадите меня в тюрьму.

Февраль 2016 – Июль 2016

